

ЛЕГЕНДАРНОГО еще при жизни московского коллекционера Феликса Евгеньевича Вишневого я знал хорошо. Часто бывал у него в том самом старинном особнячке в Щетининском переулке, в котором ныне расположился Музей художника В.А. Тропинина. Чаи распивали, подолгу беседовали. Точнее, он рассказывал, а я, молодой еще репортер, слушал, восторгался, восхищался, верил, а подчас и не верил — настолько удивительные, детективные истории он поведывал. Хотя слушать его было непросто. Он не очень-то заботился о том, понимает его собеседник или нет, говорил «на равных». Ну какое уж здесь равенство меж мною и знаменитым в художественных кругах. Феликсом — человеком, столь много знающим в искусстве, столь опытным в делах изящного, притом в таких подробностях, которые с ходу мог осознать только сугубый специалист. Его талант эрудита, интуиция, умение собирателя были непревзойденными.

А какой памятью он обладал! Ведь ничего не записывал. К сожалению, не записывал. Увлечательная книга получилась бы — документальная повесть о невероятных тайнах и интригующих загадках, остроумных гипотезах и невероятных открытиях, о том, с чем встретился он на протяжении своей долгой жизни, с чем связаны были его находки, сделанные им, как он сам хитро добавлял, «по случаю».

«Случай» Вишневого — лишь ему присущая интуиция, какое-то «шестое чувство», тонкое чутье на прекрасное, в каком бы первоначальном обличье и в каких самых невероятных обстоятельствах оно не представало перед ним. Чаще всего в виде истрепанного, грязного, изуродованного холста, а точнее — измятой тряпки, пригодной, казалось бы, разве для вытирания обуви в передней. Но если Вишневецкий говорил, к огромному удивлению обладателя этой вещи, «беру», то можно было не сомневаться в том, что после реставрации и обследования, литературного или архивного «копания» в отечественное искусство возвращалось подлинное произведение живописи, графики или скульптуры.

Ну хотя бы широко известный «Автопортрет» Василия Тропинина, который теперь открывает экспозицию его музея. Написан он в 1844 году. Всегда находился в доме художника на Левинке, близ Каменного моста. Василию Андреевичу нравилась картина, и он сделал несколько ее повторений. После его смерти «Автопортрет» перешел к сыну, затем «пошел по рукам» — и в конце концов затерялся, неведомо как и неведомо когда. О нем лишь смутно упоминалось в искусствоведческих книгах, с неуверительным добавлением «местонахождение неизвестно». Но вот однажды Вишневецкого пригласили в одну старомосковскую семью взглянуть на старый и попорченный холст, свернутый в трубку и заброшенный за шкаф. Феликс Евгеньевич развернул ветхий холст и небрежно, как показалось владельцу картины, бросил: «Беру». Именно показалось, потому что одного его взгляда было достаточно, чтобы распознать руку большого мастера, хотя холст был настолько грязен и записан, что первоначальное изображение еле просматривалось. Когда живописец очистил, снял позднейшие поновления, отреставрировал, проявилась авторская подпись: «Тропинин. 1844».

Пожалуй, я был одним из первых, кто увидел возвращение к жизни шедевра замечательного мастера. Правда, допустил непростительную бестактность, заметив Вишневецкому:

— Вероятно, это повторение «Автопортрета», который экспонируется в Третьяковской галерее...

Возмущенный Феликс Евгеньевич возразил:

— Ну нет! У меня оригинал, в Третьяковской же его повторение, сделанное двумя годами позже.

Феликс Евгеньевич Вишневецкий (начало 70-х гг.). Фото из архива автора

«СЛУЧАЙ» ВИШНЕВСКОГО

Он был самым щедрым дарителем после Третьякова

Независимая газета. - 1998. - 21 февр. - с. 16

Или «Портрет С.К. Суханова», одно из лучших произведений Тропинина, без которого сейчас нельзя представить его творчество. О нем многие десятилетия вообще ничего не было известно. Достался он Вишневецкому опять-таки «по случаю» в ужасном виде — столь грязным, попорченным и убогим, что с большим трудом угадывался силуэт какого-то человека. И здесь чутье Вишневецкого подкажывало ему — «беру». Хотя позже говорил мне, что одолевало его разные сомнения: а стоило ли? Ведь ни один, даже весьма сведущий коллекционер или опытный музейный работник, наверное, просто не обратил бы на этот холст внимания. А уж купить его — полное безрассудство, да и только! Вот этим и отличался Феликс Евгеньевич. И почти всегда — к удаче.

После кропотливой реставрации открылось на живописи ранее совершенно невидимое: у основания массивной колонны стоял человек с каменотесным молотком в руке, явным признаком его ремесла. Но главное — обнаружилась подпись: «Тропинин. 1823». Казалось бы, Феликс Евгеньевича можно было бы поздравлять с очередной громкой находкой. Но ему очень уж хотелось узнать, кто изображен на полотне. Кого столь тепло, уважительно, с нескрываемым восхищением изобразил художник? Явно было, что портрет простодушная не был заказным, что Василий Андреевич хорошо знал каменотеса и написал его портрет, возможно, «для себя».

Открыть его имя Вишневецкому помогла искусствовед Тамара Владимировна Бувельская. Она перевернула горы литературы и архивных документов, перечитала все, что относилось или могло относиться к Тропинину. — и ее кропотливый труд обернулся открытием. Она совершенно бесспорно «вычислила» имя каменотеса. Им оказался Самсон Ксенофонтович Суханов, знаменитый мастер. Он участвовал в строительстве Казанского собора, Михайловского дворца, Адмиралтейства, колоннад Биржи и Исаакиевского собора, набережной на стрелке Васильевского острова, работал в Московском Кремле, вырубил пьедестал для памятника Минину и Пожарскому...

Таких открытий у Вишневецкого было предостаточно. Многие картины, им отысканные, ныне экспонируются в музее в Щетининском переулке. Это, например, «Девушка с горшком роз» (кстати, как выяснил Феликс Евгеньевич, картина была приобретена Александром III для собственного имени музея в Петербурге), «Портрет

В.С. Энева», один из вариантов «Кружевницы», «Старик ямщик», «Портрет Е.А. Корзинкиной», «Портрет неизвестного е усами», «Портрет Е.В. Мазуриной»... А найденный им портрет молодой женщины, вначале неизвестной, после исследования обрел имя, и довольно-таки громкое, легендарное — ибо ей оказалась Елизавета Ксавьеровна Воронцова. Да, да! — та самая возлюбленная Пушкина, которой поэт посвятил несколько прекрасных стихотворений. Исполнен портрет акварелистом Петром Федоровичем Соколовым.

Купленному в антикварном магазине другому портрету неизвестной женщины Вишневецкий также возвратил имя — В.А. Томилина. А главное, он выявил автора произведения — Владимира Боровиковского. Интересная деталь: до июня 1941 года картина украшала один из залов Германского посольства в Москве. По «случаю» Вишневецкого были отысканы и вошли в отечественное искусство произведения Антропова, Вишнякова, Кипренского, Рокотова, Щедрина, Левицкого, Боголюбова, Захарова, Левитана, а также Гварди, Гюбера Робера, Греза и других русских и зарубежных художников. Работы из собрания Вишневецкого находятся также в Государственном Музее А.С. Пушкина (литературно-художественный отдел).

Более пятидесяти лет Вишневецкий отдал собирательству прекрасного. Еще в 1920 году получил он от отца, также известного московского коллекционера, первую работу своего будущего собрания — «Портрет С.М. Голицына», написанного, заметьте, Тропининым — художником, особенно им любимым. И эта его многолетняя привязанность завершилась созданием одного из самых оригинальных камерных музеев Москвы — Музея В.А. Тропинина и московских художников его времени. Случай более чем неординарный! Риску поставить имя Вишневецкого — естественно, с определенным «акцентом» на время и иные обстоятельства — рядом с именами Третьякова, Остроухова, Морозова, Щукина. Его собирательство — не занимательное времяпрепровождение, не игра изощренного ума и тем более, хочу подчеркнуть, не доходный бизнес, в чем порой совершенно несправедливо его обвиняли.

Конечно, он покупал и, конечно, продавал. Здесь не обходилось без всяких торгашеских уловок. Сложным, противоречивым, подчас непонятным человеком был

Феликс Евгеньевич Вишневецкий. Мог, например, долго спорить с каким-либо музеем из-за цены дешево доставшегося ему холста, а потом махнуть рукой: «Ладно, берите бесплатно!» По моей просьбе он отдал на постоянное хранение Музею Левитана в городе Плес несколько работ замечательного пейзажиста и других художников, его современников. Вишневецкому были присущи и бескорыстие, и широта натуры, и какое-то купеческое ухарство, и детское бахвальство. Его, по-моему, больше увлек процесс собирательства, чем конечный результат. Некоторые картины, с огромным трудом и с немалыми денежными затратами приобретенные, потом без всякого внимания годами висели на стенах его комнаты. Он о них и не вспоминал. Он по-настоящему любил искусство. Как немногие коллекционеры, понимал, что отысканное им есть нечто большее, неподвластное денежным измерениям и коммерческой суете.

Конечно, Вишневецкий не был эдаким «ангелом с крылышками». В делах купли-продажи был расчетливым, ловким и далеко не бесхитростным, что заводило его порой за жесткие тогдашние рамки дозволенного Уголовного кодекса. На Лубянке и на Петровке Вишневецкий был «на плохом счету». Не раз ему грозила скамья подсудимых с конфискацией всего имущества. Несколько раз обыскивали его дом, прощупывали и обстукивали каждый сантиметр стен. И... говорят, нашли! Закопанные во дворе у стены дома огромные ценности: золото, ювелирные вещи, драгоценные камни. Но Феликс Евгеньевич не моргнув глазом, с «удивлением» и возмущением от них отказывался: не мои, мол, знать не знаю, как они сюда попали.

Расследовать обстоятельства находки столь значительного «клада» не стали. Вероятно, потому, что за Вишневецкого вступились многие его доброжелатели и поклонники, даже чопорное Министерство культуры СССР, даже наша весьма осторожная газета «Советская культура». И, конечно, снятию с Феликса Евгеньевича всяких обвинений способствовали некоторые высокопоставленные государственные и партийные деятели (называли фамилию министра иностранных дел Громыко), которым он помогал комплектовать личные художественные коллекции. Об этом он обычно помалкивал, но однажды почему-то разоткровенничался и даже показал мне холсты, приобретенные для высокопоставленных коллекционеров.

«Не для печати», естественно. Хотя, говоря откровенно, я не вижу в этом ничего злого, ничего криминального даже по тем строгим временам.

Феликс Евгеньевич не любил рассказывать о своем прошлом. Похоже, оно было далеко не безоблачным. Я знал лишь, что с 1919 года он работал в Музейном отделе Наркомпроса, у знаменитой Натальи Ивановны Троцкой, жены Льва Давидовича Троцкого, второго лица в тогдашнем Советском государстве, принимал участие в организации новых музеев в Москве, являлся экспертом различных комиссий. Кажется, в тридцатых годах ему пришлось по своей воле покинуть столицу и несколько лет проработать в провинциальных музеях. Непонятным было его возвращение в Москву. Еще более странным было обретение большого двухэтажного особняка в Щетининском переулке. Упомянув эту историю, он отлеживался туманными намеками. Но я и не настаивал: не хочет говорить — не надо. Все равно тогда об этом ничего написать в газете было нельзя. Обладая огромными материальными богатствами, Вишневецкий в быту был поразительно скромным, даже аскетичным. Насколько я помню, несколько лет носил одну и ту же застиранную солдатскую рубашку, обтрепанный пиджак, стоптанные башмаки с галошами, крестьянский тулуп, подпоясанный чуть ли не веревкой. Встретишь такого где-нибудь в переходе метро — подашь милостыню. Хотя имел семью — сына, с которым, кажется, не встречался, жену, которая никогда не присутствовала на наших чаепитиях. Я видел ее однажды совершенно случайно в одной из сугубо личных комнат Вишневецкого, куда вообще-то доступ гостям был заказан.

Еще Вишневецкий отличался от многих своих коллег тем, что не прятал своих художественных сокровищ — с удовольствием их показывал. Его дом был открыт для истинных ценителей прекрасного, которых он принимал весьма радушно. И я не раз приводил к нему знакомых из периферийных музеев, которых Феликс Евгеньевич, немало проработавший в провинции, особенно цтил. Гостей он очаровывал любезным общением, простотой и, конечно, огромными знаниями, которые не мог бы дать ни один университет. Кстати, у него, по-моему, не было вообще высшего образования.

Огромной популярностью пользовались передвижные выставки «Из собрания Ф.Е. Вишневецкого». Они побывали в Якутске, Иркутске, Перми, Курске, Вологде, Рязани, Кургане и еще в десятках городов страны. Более чем в двадцати музеях оставались его дары — картины, рисунки, предметы прикладного искусства. Но «коронным» его даянием, чем он и вошел в историю отечественной культуры, было открытие Музея В.А. Тропинина. Он был открыт в его же, переданном государству доме в 1971 году. Его хранителем Феликс Евгеньевич оставался до самой своей кончины в 1978 году в возрасте семидесяти шести лет. Работы Тропинина, Рокотова, Антропова, Боровиковского, Вишнякова, Гау, П.Соколова, Захарова, Кипренского, Лаша, Левицкого и других художников, изделия прикладного творчества, старинная мебель — всего около 400 произведений — дар Вишневецкого Москве. А всего он передал государству 790 художественных предметов! Вдумайтесь в эту ошеломляющую цифру! Такого подарка мы теперь вряд ли дождемся от кого-либо: не те люди — не те времена.

Парадоксально, но Вишневецкий в советское время из-за предпринимательского размаха считался коллекционером несовременным, ибо не укладывался в тогдашнее «прокрустово ложе» дозволенного. Однако доживи он до свободной художественной коммерции, опять-таки в нее не вписался бы. На этот раз из-за искренней любви к подлинному искусству, из-за бескорыстия и умения делать добро. И снова прозвучал бы человек странным и несовременным.